

- 398.
8. Рубина Д. Дети // Там же. С. 262–269.
 9. Рубина Д. Иерусалимцы. Четки // Там же. С. 457–482.
 10. Рубина Д. Противостояние // Там же. С. 275–281.
 11. Рубина Д. Ружье для Евы // Там же. С. 329–337.
 12. Рубина Д. Синдикат // Полное собрание романов в одном томе. М., 2012. С. 407–792.
 13. Рубинштейн А. Конец мифа о сабре // Время искать. Журнал общественно-политической мысли, истории и культуры. № 1. 1998. С. 95–115 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www-r.openu.ac.il/tutor-school/lesson%209%20-%20Rubinstein%20-%20Sabra%20Myth.doc> (дата обращения: 15.12.2013).
 14. Фейхтвангер Л. Шейлок на наших сценах. Драматургическое исследование [электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/100/sheylok.htm> (дата обращения: 15.12.2013).
 15. Фридзон Й. Врожденные или приобретенные? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://shaareinashim.com.ua/index.php?option=com_content&view=article&id=747%3A2013-10-17-07-20-50&catid=1%3A2012-03-01-13-42-47&Itemid=44 (дата обращения: 15.12.2013).
 16. Членов М. А. Что такое еврейство? Взгляд социального антрополога // Этнографическое обозрение. 2009. № 6. С. 8–20.
 17. Эдельштейн М. Как *жидовка* превратилась в *женщину*. История одного стереотипа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://booknik.ru/context/all/kak-ijidovkai-prevratilas-v-ijenshchinui/> (дата обращения: 15.12.2013).

Е. А. Кивилиди

Научный руководитель: Ф. Б. Бешукова,
доктор филологических наук, профессор (АГУ)

ЭССЕ КАК ЖАНР ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИТЕРАТУРНОГО, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ЛИТЕРАТУРНАЯ АДЫГЕЯ»)

Эссе – «разновидность очерка, в котором главную роль играет не воспроизведение факта, а изображение впечатлений, раздумий и ассоциаций... Автор эссе не претендует на анализ произведения, а ограничивается рассуждениями о нем, подчеркивая субъективность своего отношения» [7]. Эссе отличается от прочих публицистических жанров обилием художественных средств выразительности, необходимых для передачи авторских эмоций и мыслей, и небольшой объем. Этот жанр литературной критики чаще используется в процессе интерпретации художественной и научно-популярной литературы, потому что имеет свободную композицию и выражает авторские мысли по поводу актуальных тем или наиболее острых вопросов. Как правило, эссе подает новую, субъективную мысль и носит философский, историко-биографический, публицистический, литератур-

но-критический, научно-популярный характер [2]. «Главное достоинство эссе как жанровой формы – внутренняя свобода и открытость по отношению ко всем иным жанрам и стилям» [3].

Для русской литературы жанр эссе не был характерен. Образцы эссеистического стиля обнаруживаются у А. Н. Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву»), А. И. Герцена («С того берега»), Ф. М. Достоевского («Дневник писателя»). В начале XX в. в русской литературе к жанру эссе обращались В. И. Иванов, Д. С. Мережковский, Андрей Белый, Лев Шестов, В. В. Розанов, позднее – Илья Эренбург, Юрий Олеша, Виктор Шкловский, Константин Паустовский, Иосиф Бродский [8].

«Само слово “эссе” вошло в отечественную литературоведческую терминологию сравнительно поздно. В 1919 г. Блок обыгрывает в своих шуточных стихах попытку К. Чуковского ввести в оборот термин “эссеис”, восходящий к английскому “essays”. Но в полный голос об эссе и об эссеистике заговорили только во времена “оттепели”, в частности, после выхода книги Ю. Олеси “Ни дня без строчки”» [3].

Современная литературная пресса ориентирована на эссе как на главный жанр. Эссе предпочитается статьям-трактатам, выдержанным в академическом стиле. «Для редакторов литературной периодики желательно, чтобы и рецензии, и обзоры, и литературные портреты носили эссеистический характер, то есть были написаны разговорным языком, со свободным переходом от темы к теме, остроумно, с элементами и словесной игры», – утверждает В. И. Новиков в своей статье «Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики» [3].

Несмотря на то что, по мнению того же В. И. Новикова, эссе в настоящий момент стоит причислить к ведущим жанровым формам литературной критики, в исследуемом нами журнале в период с 2000 г. по 2013-й жанр эссе представлен мало – было опубликовано всего 3 литературно-критических эссе. Это произведения Карины Кадиевой «Пушкин и Окуджава. Эстетика мироощущения» («ЛА». 2002. № 2), Заремы Схатум «“Нет, весь я не умру...” Слово о Пушкине» («ЛА». 2002. № 3), Юнуса Чуюко «Корни правды» («ЛА». 2011. № 1). Своеобразным синтезом эссе и теоретической статьи, на наш взгляд, является публикация Т. Чамокова «То мудро, что познается сердцем...», автором определенная как «размышления о лирике Шхамбия Куюева» («ЛА». 2012. № 2). Причем эссеистические черты в этой публикации заметно преобладают.

Эссе Карины Кадиевой – непринужденный и доверчивый разговор, разговор не столько о творчестве, сколько о сущности двух столь непохожих и – как показывает автор эссе – столь схожих по мироощущению поэтов. Обилие риторических вопросов задает динамический темп, поддерживающийся в пространстве всего текста, и одновременно подводит к

дальнейшему заключению – на разнообразном фактографическом материале прослеживается схожесть нравственных основ творчества Пушкина и Окуджавы. «В XX веке, во времена холодов и вьюг, кратковременных оттепелей русской литературы, стихи Окуджавы согревали души надеждой на лучшее, любовью к жизни, верой в ее правоту, будили в человеке человека».

Именно эта уникальность внутренней гармонии сродни гармонии дара Пушкина», – подытоживает К. Кадиева [1, с. 131].

Эссе Заремы Схатум по своей тональности совершенно иное, оно насыщено не только фактографическим, но и биографическим материалом. «Нам никогда не понять личности художника и не раскрыть истоков его вдохновения, не рассмотрев историю его жизни в непосредственной связи с его творчеством» [4, с. 123]. З. Схатум использует риторические восклицания в совокупности с риторическими вопросами, передавая собственное ощущение восторга и преклонения перед гением поэта. После обширного вступления критик коротко рассказывает о жизни Пушкина, причем показывает тесную связь биографии с литературной, творческой стороной бытия поэта. В подтверждение важной роли Пушкина в жизни нашей страны и нашего народа цитируются высказывания известных писателей – Достоевского, Тургенева, Островского.

Автор приоткрывает тайну многовековой актуальности и популярности творчества Пушкина: «Его стихи вовсе не надо заучивать – они сами собой запоминаются, так они звучны, выразительны, музыкальны и прекрасны» [4, с. 123]. З. Схатум образно объясняет, почему наше преклонение перед Пушкиным не понимают иностранцы: «...перевод – это обратная сторона вышитого узора <...> В оригинале Пушкина этот рисунок – тончайший, неуловимый при переводе на другой язык» [4, с. 126].

В эссе Юнуса Чуюко «Корни правды» (2011. № 1) речь идет о Льве Николаевиче Толстом и его роли в жизни автора публикации. Прежде всего Ю. Чуюко касается в своем эссе мировосприятия Льва Толстого, его жизни как человека, а уже потом – как писателя. Тональность этого эссе серьезная, вдумчивая, неторопливая, философская. Наверное, о Л. Н. Толстом говорить по-другому и нельзя. Начинается произведение образно, метафорично, с обращения к памяти, с рассказа о волшебной колодезной воде родного дома. Толстой для автора эссе подобен воде из этого колодца: сладкой, притягательной.

В качестве фактографического материала автор обращается не столько даже к текстам произведений писателя, сколько к эпизодам его жизни, к его мироощущению в тот или иной период творчества. При этом упоминаются отдельные произведения, но самым важным для писателя, ярко и богато эмоционально подсвеченным оказывается «Кавказский пленник». Это не удивительно: мир повествования «Кавказского пленника» – мир

предков автора эссе. Юнус Чуяко поражается способности Л. Н. Толстого изображать черкесов «...объективно, без прикрас, и мелочность их показывая, и жестокость, но так, что даже и тогда чувствуешь, что правда за ними...» [6, с. 93]. С этим произведением связаны яркие воспоминания детства автора – дважды описанный им вечер, врезавшийся в память своей значимостью: разговор с отцом о Толстом, который, не зная писателя, сумел по портрету описать его сущность.

«И не исключено, в первую очередь, из желания противопоставить войне, ее кровавой всеразрушающей мощи нечто реальное, зримое, осязаемое граф и в быту, в обыденной жизни попытался все думы и мысли, весь свой талант направить исключительно на свершение добрых дел и немало преуспел в этом...», – оценивает автор эссе гуманистические достижения графа Толстого [6, с. 90]. Что касается оценки литературной деятельности писателя, его произведений, то эссеист говорит, что «...гениальный художник замешивал их на глубокой, колодезной чистоты и вкуса жизненной правде» [6, с. 84].

Эссе Ю. Чуяко объемное – 10 страниц, оно отличается особенной философской глубиной. «Вот я о чем, вот почему творения, оставленные великим русским художником, так легко стали достоянием всего земного шара. Толстой мечтал, что они и подобные им когда-нибудь лягут в основу целенаправленного миротворения нашего, красивой и полнокровной жизни, жизни без войн» [6, с. 93]. Это эссе – плод долгих исканий, размышлений, писалось оно с 1989 по 2009 г. – 20 лет.

Что же касается публикации Т. Чамокова «То мудро, что познается сердцем...», то темой рассматриваемого произведения являются характерные особенности лирики поэта Шхамбия Куева, соответственно, привлекается и литературоведческий материал. Проблемы, затрагиваемые автором статьи, скорее философского характера. Это необходимость «искренности души», человечности и сострадания не только в творчестве поэта, но и в жизни каждого человека: «Самое страшное – потеря высоты полета и падение души, потеря чувства сострадания и милосердия, сопричастности ко всему людскому в нашем мире» [5, с. 129]. Идея статьи Чамокова вынесена в заголовок – «То мудро, что познается сердцем». Автору удалось не только донести до читателя духовный мир Шхамбия Куева и рассмотреть особенности его творчества, но также заставить задуматься об изменении нравственных ориентиров, о потере чего-то важного, того, что знали наши деды и прадеды, – об утере истинной человечности, гуманности.

«Эссеистический дискурс в литературной критике плодотворен тогда, когда он органично включает в себя аналитику, когда он обогащен публицистическими обертонами. При этом условии ему суждена долгая жизнь» [3]. Можно смело сказать, что проанализированные нами эссе удовлетво-

ряют этому критерию: публицистические интонации обеспечиваются, прежде всего, фигурами речи, выражающими эмоциональное настроение авторов. Несмотря на то, что эссе – жанр, не претендующий на анализ, жанр-размышление, некоторые элементы критического анализа в изученных публикациях все же имеются.

Список литературы

1. *Кадиева К.* Пушкин и Окуджава. Эстетика мироощущения // Литературная Адыгея. 2002. № 2. С. 129–131.
2. Литературная критика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.rus-shake.ru/poleznoe/literaturnaya_kritika.htm (дата обращения: 01.01.2014).
3. *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп : электронный научный журнал. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 01.01.2014).
4. *Схатум З.* «Нет, весь я не умру...» // Литературная Адыгея. 2002. № 3. С. 123–126.
5. *Чамоков Т.* «То мудро, что познается сердцем...» // Литературная Адыгея. 2012. № 2. С. 125–133.
6. *Чуяко Ю.* Корни правды // Литературная Адыгея. 2011. № 1. С. 83–93.
7. Эссе // Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1987 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://literatura5.narod.ru/essays.html> (дата обращения: 02.01.2014).
8. Эссе: история и особенности жанра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://literatura5.narod.ru/essays.html> (дата обращения: 02.01.2014).

А. Н. Волгапова, И. В. Пьянзина

Научный руководитель: И. В. Пьянзина,
кандидат филологических наук, доцент (МГУ им. Н. П. Огарева)

ПОЭЗИЯ М. И. МАЛЬКИНОЙ В КРИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Е. И. АЗЫРКИНОЙ

Около двух десятилетий тому назад в среде знатоков мордовской литературы Мария Ивановна Малькина была известна прежде всего как критик, литературовед, ученый. Однако уже к началу нового тысячелетия о ней заговорили как о поэте-лирике.

Впервые поэтический голос М. И. Малькиной зазвучал на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Мокша» в 1995 г. В предисловии к стихам народный поэт Республики Мордовия И. М. Девин отмечал: «Шкабавазсь, улема, казезе сонь поэтонь ваймоса и прывийса. Сяс, маряк, изь кирде седиец, сявсь и лихтсь стихотвореният да мянь кота!» – «Скорее всего, Бог наградила ее душой и умом поэта. Поэтому не выдержало сердце, взяла и выплеснула наружу аж шесть стихотворений!» [2, с. 3]. Классик мордовской литературы воздержался от критики, предоставив читателю право самому оценить творче-